
ВЛАДИМИР ПОПОВ

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ ЧУМАЗОГО

Давно вызревала мысль провести некий “аудит”, подбить, что ли, бабки, попросту говоря: а что же мы, общество, заполучили от контрреволюции 1991–1993 годов? Какого качества воцарилась элита – власти, бизнеса, идеологии, правосудия, изящных искусств? На что они годны и притязают? Если нам и суждено, по-видимому, не год и не два проживать при засилье и самовластье алчной и хваткой, самозванной олигархии, то надо глубже познать ее подноготную, задатки, притязания, силу и слабость...

Какого она, новорусская буржуазия роду-племени? Не про “пятый пункт” речь, а, так сказать, про “онтологию”, корни происхождения в долгой истории великороссов. Воссоединится ли когда-либо Рублевка с Капотней, труд и капитал станут ли у нас социальными партнерами, как во всем развитом мире? Русланд и Русь породнятся ли, замирятся ли сызнова? Вчерашние компрадоры и новые “государственники” вместе поднимутся на стапели возводить Пятую Империю, которая, говорят, уже брезжит на нашем политическом горизонте? Или – им, олигархам и их челяди, и впрямь суждено “бежать на корабле из земли своей, спасая свое презренное имущество”? Наконец, “повивальная бабка” теперешней олигархии, рожденной в убогих кооперативных яслях, – наша либеральная и западническая образованщина – на чью сторону встанет, если национальная власть – пусть это власть ста семейств, завладевших экономическим достоянием страны, – волей судеб, непримиримостью геополитических интересов сойдется с Западом, лицом к лицу, на узкой дорожке?

Идеологи режима избегают, уклоняются от такой жесткой постановки, открытого взгляда в упор, на сущее. Скрытность, недосказанность, двусмысленность идеологического и политического дискурса Кремля, его умалчиваемых и половинчатых стратегий все больше озадачивают. Похоже, во власти, в тревогах междуцарствия, усиливается рефлексия, что-то новенькое вызревает. Тщета 15-летних упований и рвений встроиться в Запад горька, а эскапады против Америки и НАТО все более дерзки...

Но, подчеркну, это у власти, в верхах, душа не на месте, а новорусская буржуазия, которой эти власть имущие волей-неволей служат, озабочена лишь пляской индекса акций на РТС и вдруг возникшими “заморочками” при скупке активов за границей. Такое блистательное отсутствие *классового* чутья на опасность поразительно. Скупленные олигархами, оптом и впрок, либеральные масс-медиа в унисон с радио “Свобода”, прямо и обиняками, развенчивают “блажь” властей задираться с Западом, “комплексовать” почем зря по поводу американской ПРО в Чехии и Польше. Рублевку и “демократические” масс-медиа с Западом – водой не разлить. Путина теперь “не понимают”, будто они, владельцы миллиардных состояний, и впрямь ни бельмеса не смыслят в азбуке мировой политики, а в ее сокровенном – подавно.

Обывательский дух Рублевки непрошибаем. “Политическая тупость сама по себе не была бы опасна, если бы она не проистекала от тупости интеллектуальной и моральной, более глубокой и решающей”, — тонко подмечал автор “Психологии масс” Лебон, которого прозвали “Макиавелли массового общества XX века”. Ведь то же политическое тупосердие проявила и компрадорская крупная русская буржуазия перед революцией 17-го года. Новые олигархи, потомки путиловых, рябушинских, мамонтовых, но не по “прямой”, люди случайные, “бастарды” в кругу потомственной западной деловой элиты, но они поразительным образом унаследовали дух, повадки и физиономию русского дельца тех незапамятных уже времен, когда по Волге “бурлаки шли бечевой”!

“ДОБРО ПРОИСТЕКАЕТ ОТ ЗЛА”

“В настоящее время российское общество выделило из себя нечто на манер буржуазии, новый культурный слой, состоящий из кабатчиков, процентчиков, банковских дельцов и прочих казнокрадов и мироедов... В короткий срок эта тля успела опутать все наши пенаты: в каждом углу она сосет, точит, разоряет и вдобавок нахальничает”. Это классическое описание сатириком Салтыковым-Щедриным Чумазого — нарицательного персонажа раннего, необузданного и алчного, российского капитализма XIX века. Словно в зеркале видишь в нем обличье и повадки “новорусского” дельца — исчадия “либеральной” ельцинской революции и растащивки 90-х годов. “Это совсем не тот буржуа, которому удалось неслыханным трудолюбием и преданным пристальным изучением профессии завоевать себе положение в обществе. Это — праздный, немилостивый забулдыга, которому благодаря слепой случайности удалось уйти от каторги и затем слопать массу кишасших вокруг него рохлей, ротозеев и дураков”.

Борис Абрамович Березовский, положим, выбился не из “забулдыг”, а “наукowych хлопцев”, как говаривают его контрагенты в Незалежной, но “разорять и нахальничать” любому даст сто очков вперед. И разве не стыдил, распалившись, Березовский “рохлей и ротозеев”, что промешкали, сидя на печи, когда капиталы под ногами валялись, как груши-паданцы?

Дело, однако, сделано, российский список Форбса сверстан. Нам долго еще будет аукаться “реинкарнация” из тьмы веков архаического типа дельца-мироеда. Малый заведомо был прощен во всех своих плутнях идеологами “либеральной” реформации, “рывка” к рынку и “обвальной приватизации”. Пригодился по случаю и старый бухаринский лозунг “Обогащайтесь!”

А как же насчет “жить не по лжи”? Прежних проповедей “нестяжания”? Эти пылкости времен “гласности” были отброшены прочь как не отвечающие “брутальности” переходного периода. Бесчестность первоначального накопления якобы на роду у капитализма написана. Гневные демократические саванаролы прикусили языки. “Шокотерапия” имела один несомненный эффект: моральные препоны как рукой сняло, а “совесть нации” тем часом отвлеклась на гуманитарные миссионерские проекты “филантропа” Джорджа Сороса. Контора дельца-миссионера вблизи Чистых прудов тотчас прослыла “хлебным местом”. Яростные обличители пресловутых “привилегий” советской управленческой касты, дорвавшись до власти и “активов”, теперь уже ничего не имели против, если нужно было кое-кому из новоявленных Чумазов отписать, за мешок-другой ваучеров, нефтяной промысел или авиакомпанию.

Былые любимцы публики, острословы-сатирики, ловко вставлявшие шпильки Советской власти, вдруг напрочь позабыли свой эзопов язык. Сбились на льстивые подтрунивания над “малиновыми пиджаками” нуворишей. При Ельцине наши жванецкие и петросяны, задним числом записавшиеся в “диссиденты”, совершенно оскоромились. И теперь все больше подъедаются на фуршетах у олигархов. А новых аристофанов и свифтов, из младого поколения, пока что-то не видать. Потому нам ничего не остается, как довольствоваться хрестоматийным щедринским портретом буржуа из “новых русских”. Тем паче что он совпадает почти тютелька в тютельку!

Недавняя комедия уголовного суда над аферистом Мавроди, который воистину превзошел фараонов, раз такую тьму-тьмущую вкладчиков вовлек

в воздвижение грандиозной финансовой пирамиды МММ, напомнила, что в “рохлях и ротозеях” в горячечные 90-е оказалась изрядная часть образованного общества, славившая проходимца. “Денжищ у него пропасть! Это правда, но ни благородных манер, ни благородных чувств, ни порядочных привычек...” Это аттестация бесчисленных типических мавроди – миллионщиков из XIX века (“Убежище Монрепо”). К ней нечего и прибавить: таков он и есть, этот тип, ныне глядящий на нас веселым плутовским взором с обложек глянцевого журналов.

Щедрин, не жаловавший шельм “первоначального накопления”, отнюдь не был ретроградом, скорбевшим по обреченному хозяйственному и нравственному укладу помещичьих “дворянских гнезд”. Напротив, высмеивал тех, кто вздыхал по “старым добрым временам” до отмены крепостного права. Но и веры, почтения к нарождавшемуся в отсталой России ублюдочному капиталистическому укладу не было у него и на грош. И все-таки Щедрина, при всем его зорком и беспощадном сарказме, не оставляла надежда, что, даст Бог, когда-нибудь зло мироедства *изноет*. Октябрь 1917 года черту подвел, выказав, что не *изныло*...

Уж полтора века минуло со времен первого пришествия Чумазого на Русскую землю. Развитый мир успел вступить в “постиндустриальную” эру, которая, в каком-то смысле, является и “посткапиталистической”. Социальная ткань общества невероятно усложнилась. Средний класс, а не буржуазия и пролетариат, играет теперь роль заглавной движущей силы общества.

Не только на Западе, но даже в бывших его азиатских колониях далеко продвинулась социализация всех сторон жизни общества. Не голый чистоган и слепая корысть, а экономический рост, стабильность и инновации – преобразованная, пусть изрядно приукрашенная, но имеющая статус респектабельности идеология бизнеса больших корпораций. И лишь нам в России всучили ископаемый уклад “дикого” капитализма. Судьба России таким уж невероятным злосчастьем обернулась, что, совершив между 17-м и 85-м годами бурного XX века огромный цивилизационный прорыв, который в мире и сравнить-то не с чем, мы оказались отброшены к исходному пункту. Произошел разворот общества не к статистическому 1913 году, а на полтора века вспять! Лихо взгромоздившись в “карету прошлого”, наши “либералы” бесстыдно называют эту пертурбацию “капиталистической реставрацией”.

Что ни говори, “триумфальное” возвращение ветхозаветных “колупаевых”, на ком креста нет, – исторический казус, неслыханное вероломство. На Западе, полагаю, либеральное сознание и не способно вполне уяснить себе проделку наших “западников”. Да мы сами-то оглянуться не успели, как эти *мироеды*, вынырнувшие из прадедовских времен, в считанные годы успели опутать все наши “палестины”. “Чудом избежавшие каторги” ныне среди столпов общества. Они вращаются и тон задают в узком кругу “денежных мешков”, откупивших у государства целые отрасли хозяйства, ренты и территории. Многие из их числа подались в филантропы. Им “благодарствуют” с амвонов и телеэкранов за пожертвования на богоугодные дела и гуманитарные подачки. Нас уверяют, что предпринимательство и стяжательство суть тождество. Близка к тому и официозная перемена смыслов. Под иносказательным словечком “конкурентоспособность” – отпущение грехов голого стяжательства. Это между строк записано в скрижали нехитрого “Экономикса” для бедных, чтобы не роптали. Экономист Джон Гэлбрэйт про непоколебимых “ультрарыночных”, вечных неофитов, вроде неугомонного Егора Тимуровича, замечал, подтрунивая: “Они восхищены, как двести лет назад был восхищен Адам Смит тем, что *добро, видимо, проистекает от зла*”.

ОЗОРСТВО “НАДУВАЛ МИРСКИХ”

“...Архиплуты, протобестии, надувалы мирские!...” Так, в досаде и ярости, одураченный гоголевский Городничий невольно обличил архетип нечистого на руку отечественного дельца. При ельцинской “свободе торговли” дальний его потомок получил известность под прозвищем “малинового пиджака”. Этот субъект скоро обтесался, набрался респектабельности в “Ротари-клубе” и по заграницам. Он ныне скупает холсты Малевича и проводит досу-

ги в гольф-клубе. Не напрасли ли опознать в нем Чумазого – нарицательного персонажа щедринской сатиры? Константин Леонтьев без предвзятости судил о предпринимательской сметливости “аршинников”, которым не так-то просто было развернуться в “глубоко сословном строе государя Николая Павловича”: “...Только сильные в худом и хорошем направлении, даровитые, особенно счастливые и хитрые, или особенно оригинальные, вырывались из своей группы так или иначе – добром или злом, но вырывались”.

Православный мыслитель не считал грехом “усиление свободного движения личной воли” в крепостнической стране. Новый дух предпринимательства нес и благо, и зло: “...Построилось вдруг множество железных дорог, стали вырубаться знаменитые русские леса, стала портиться почва, начали мелеть и великие реки наши. Эмансипированный русский человек восторжествовал над своей русской природой, он изуродовал ее больше всякого европейца. Таких примеров и обратных бездна”.

А при нашем “диком” капитализме всё больше примеров возмутительных. Чумазый, как тать в ночи, вырубает тайком кедровые леса в забайкальской тайге, контрабандой сбывает древесину в Китай. И даже в заповедных дубняках в Каменной степи под Воронежем учинил беззаконные порубки. В ближнем Подмосковье он спекулирует землей и дорогой недвижимостью, сгоняет с земли крестьян. Чеховский предприниматель Лопухин, вырубивший вишневый сад, рядом с новыми подрядчиками и латифундистами – ангел во плоти.

Разнужданное, в лихие 90-е “реформаторами”, будто ненароком, “озорство и воровство” никак не желает угомониться. Управы хищничеству, при всех строгостях путинской “вертикали”, не находится. Чумазый как исторический тип при всех российских властях неуязвим и нраву своему верен. Второе его пришествие не в добрый час! “Архетипическое” его ухарство, все это скверное дежавю наводит на подозрение, что малый добром не кончит. Ведь, как поглядишь, старые “грабли” ему ни почем.

Но, чем понапрасну сердчат на его “нахальничье” и сокрушатся, пристальней приглядимся к его наследственным чертам. Вот как судит об этом философ Александр Панарин: “Буржуа, который после 1861 г. пришел в Россию, был значительно более нравственно неопытным субъектом, чем его западный alter-ego, он был большим отщепенцем и по критериям национальной культурной традиции, и по критериям морали”.

Единственное исключение, сделаю оговорку к этому суждению, составляли обособленные предпринимательские семейства и династии старообрядцев – трезвых, бережливых, верных данному слову и богобоязненных. Из старообрядческой среды вышли самые известные и порядочные русские предприниматели-миллионщики. Их деловая этика и строгость нравов чем-то походили на протестантскую в Новой Англии, но духовность, вера у них были друг другу чужды...

Впрочем, старообрядческая ветвь русского предпринимательства являлась боковой, а столбовая оказалась худосочна и незадачлива. Лишь во втором-третьем поколении Тит Титычей наметилась, замечает Панарин, перемена к лучшему. Замашки Чумазого стали изживаться, и в русском буржуа пробудилась большая чуткость к интересам общественным. И какие-то зачатки капиталистической этики. Однако социальные катаклизмы начала XX века, которые сам Чумазый и накликнул, вместе с крахом выродившейся романовской монархии, смели со стези истории и многогрешный российский капитализм.

Нэп в Советской России оказался пустоцветом. Совучреждение “Геркулес”, из которого подпольный миллионер Корейко “выводил активы”, коррумпировав номенклатурщика Польшаева, узнаваемая модель будущего “кооперативного” жульничества с перекачкой безналичных средств госпредприятий в толстую мощную безвестных ходорковских. Закон о кооперации, принятый в горячке горбачевских экономических реформ, выпустил джинна из бутылки. “Где общество взаимного кредита?” – призывный страдальческий клич зиц-председателя Фунта был наконец-то услышан “перестройщиками” и “теневиками”, образовавшими теплую компанию.

Начав по “маленькой”, Чумазый и его идеологические вдохновители подкапывались под монополию государства в финансах. И капитал госбанков сначала загадочно испарился в нарочно спровоенной Бурбулисом и Гайдаром гиперинфляции, а потом чудесным образом материализовался в коммерческих банках. Все эти “менатепы” и “инкомбанки” пухли от денег и ростовщи-

ческой маржи и вскоре стали кредиторами пустой казны. В урочный час дефолта они тоже сдулись, ушли с рынка вместе с деньгами вкладчиков.

Вся эта мистерия происходила на наших глазах. Тогда только нас и осеңило: он самый, Чумаэый, объегорил страну. Его работа! “Буржуа, которые пришли в Россию после 1991 года, несравненно превосходят своего предшественника по части культурного и нравственного отщепенчества”, – заключил А. Панарин. И кто с этим вердиктом не согласится? Коловращение Чумаэого в разных исторических эпохах России всегда выходило нам боком. Живучесть этого типа и способность к “клонированию” необычайна. Неизменна и *утробность* всего его существования. “Создания Шекспира для него, как и святые движения души, – побасенки...” (Н. Гоголь). “Капитализации” души, в отличие от прироста капитала, что он держит у сердца, за пазухой, с ним не происходит. Зато он откликается на прозвище “олигарх” и наострился поучать и рассуждать, “чисто” на свой аршин, об общественном благе.

“Файненшл таймс” недавно поведала, каково же было на самом деле “ноу-хау” неопикуемых “новых русских”, когда они только начинали сколачивать капитал на убытках гибнущей советской индустрии. “В отличие от западных групп компаний, которые до этого работали с советскими министерствами, фирма “Транс Коммодизес” вручала чиновникам деньги наличными... Вместо того чтобы появляться с бутылкой виски и блоком сигарет Marlboro, как делали западные бизнесмены, мы приходили с деньгами”, – говорит Черный”. В то время тонна алюминия в России стоила около 70 долларов, а на международной бирже его можно было продать за 1600 долл. Вот каковы, оказывается, были “рыночные” панацеи, благодаря которым “реформаторы” “спасали” экономику России от банкротства. Золотое времечко, когда ударники “первоначального накопления” огребали по 1000% прибыли на грабеже алюминиевой промышленности, оставшейся с нулевым заказом от государства, военно-промышленного комплекса, и было расцветом “демократии” и “свобод” по Немцову.

Бартерные и вексельные благословенные времена стали ныне уже далеким мифическим преданием. Нет теперь баловства с фальшивыми авизо, “бесхозным” алюминием и никелем. Западные стандарты менеджмента и бухучета в холдингах олигархов – копейка не затеряется. И все-таки “Файненшл таймс” строга: надо, дескать, “освободить русских от заблуждения в их твердой уверенности, что фаворитизм, коррупция и нечестность в бизнесе точно так же широко распространены на Западе”...

Возгордившимся воротилам крупного российского бизнеса Запад “ставит на вид”. А тем российским корпорациям, что вновь теперь принадлежат государству или “находятся под его покровительством, впредь не будет дозволено конкурировать на наших рынках или скупать компании на свои огромные барыши”. Уж что-то, дескать, одно, господа хорошие: свободный рынок или государственный капитализм.

Жестко стелят британцы, а Анатолий Чубайс тут как тут, вступился за “свободный” рынок, подзуживает и ябедничает: “Коррупция и государственный контроль в экономике лишь две стороны одной и той же карты – так было при царях, так было и в советские времена (не преминул соврать), так оно и сегодня”. Главный Ваучер – наперсник и крестник Чумаэого, опять направляет англичанам арапа, будто этот тип, который при Советах собирал крошки за государственной индустрией, разбавлял водой “Жигулевское”, промышленлял мелкой “усушкой-утруской”, уже тогда, в “теневиках” якобы тягался с Ротшильдами.

К слову сказать, по обличью Чубайс, куда как рафинированный западник, любимец и олицетворение Русланда, а по всем повадкам, хваткам и наметанному глазу на все, что плохо лежит, – вылитый Колупаев–Разуваев и есть. Двойная подкладка “новорусской” олигархии скрадьвается из-за того, что косит под Запад. Она без оглядки согласилась принять единые правила игры: “денацификация” правящих элит как условие “кооптации” новичков в мировую элиту, не имеющую отечества. Невольный перенос значения: в глобальной экономике не у пролетариата нет отечества, а буржуазии. Строб Тэлбот, бывший американский куратор российского МИДа, в открытую вещает о грядущей “отмене” национальных государств.

“Реинкарнация” Чумаэого в облике нового российского буржуа не создает никакой неловкости для западников из западников – идеологов Союза пра-

вых сил. А заграничному бизнесу чуждость и диковатость “москвитов” режет глаз, их спичи в давосах во славу “либерализма” тэтчеровского толка оскорбляют слух, даром что лопочут они по-“аглички” не хуже любого лондонского официанта.

...Идеологический кредит либеральной реформации в России исчерпан. Тогда как биржевые котировки накопленных олигархических состояний просто взмывают вверх. Этот контрапункт прикрывает моральное банкротство всей парадигмы от 1992 года. Пятнадцать лет при нынешних скоростях развития обществ, экономик, инноваций в технологиях и бизнесе во всем мире – срок великий. В особенности когда речь не об эволюционном, в чем-то рутинном, а революционном развитии, стремительной модернизации стран, которые на-верстывают. Красный Китай между 1979-м и серединой 90-х из убожества, отчаяния и бедности поднялся на три головы. Политика “открытых дверей” и гибкое государственное регулирование экономики расчетливым китайцам пошли впрок. Стартовав с ничтожной нормы накоплений и несравненно более отсталой, чем в СССР, технологической базы, Китай, совершив рывок модернизации, утроил свой ВВП. Еще год – и Китай по валовому продукту превзойдет Германию.

Восхождение Поднебесной живо напоминает индустриальный прорыв в СССР: в 1936 году мы обошли бывшую “мастерскую мира” – Англию, а к 70-м годам вышли на второе место в мире по объему ВВП. И прорыв индустриализации – в тот же пятнадцатилетний, считай, срок после полной разрухи Гражданской войны. В СССР была совершена культурная и промышленная революция, благодаря которой мы, Россия, до сих пор не сгнули.

И советский, и китайский модернизационные проекты удалась потому, что не примазывался к ним Чумазый и не было над нами никакой внешней управы. И коль уж так полюблилось нашим реформаторам это словечко – “элита”, то элите СССР и Китая того времени есть что представить Истории в свое оправдание. А с чем на человеческий и Божий суд придет российская либеральная элита? Стыд и срам! Один только Чумазый, новорусский буржуа, и ликует. Его совокупное состояние скоро под полтриллиона у. е. зашкалит.

...И государство у нас не бедное. “Сумасшедшие русские!” – воскликнет, небось, бережливый Джон Буль, прочитав в “Гардиан”: “Лебедев, банкир-миллиардер и депутат Госдумы, критикует, как это ни невероятно, новое поколение государственных олигархов. Он говорит, что они разбрасываются огромными деньгами. Лебедев утверждает, что один государственный банк потратил около 1 миллиона долларов, чтобы на чартерном рейсе доставить на экономический форум в Давосе десять официантов из одного московского ресторана, икру, а также поп-звезд и специальную сцену”. А средняя пенсия в России 87 долларов! 1/20 пенсии в состоятельных странах ЕС и 1/3 пенсионного содержания “горемычных” поляков. “Единая Россия” по поводу нищенских пенсий, составляющих уже менее пятой части среднего заработка занятых, уж который год горюет, сокрушается и стыдит правительство. Эти угрызения, в духе Иудушки Головлева, возникают всякий раз, как “медведи” проголосуют за очередное обездоливание 39 миллионов париев-пенсионеров. Но, ближе к выборам, прибавят грош-другой и на весь мир об этом расстрезвонят.

Тем временем нефтедолларовый бум в России набирает ход. Мир завидует “Мангазее златокипящей” в стране “новых русских”. Молва о “процветании” в Белокаменной докатилась, злорадно сообщает радио “Свобода”, и до прозябающей Чувашии, где из валютных товаров произрастает один только хмель, а средняя зарплата 7700 целковых. Третью российских семей в глубинке и подавно с хлеба на квас перебивается. Это – “сбросовое” население. Их доля общественного пирога (ВВП) отнята “баскаками” из российского Минфина и отослана в “ордынскую” ставку в виде приношений “заемщику” – Федеральной резервной системе США.

На фоне ликований и преуспеваний “новых русских” социальная политика федеральной власти просто невменяемая. Карамзин говорил: “Некоторые люди совсем не имеют чувства истины. Головы их можно уподобить бездонному колодцу, в который ничего влить нельзя”. Таков и кладезь мудрости Чумазого, и таков завод этого нескончаемого политического “медвежьего” цирка в Охотном.

“ЧУЖЕЗЕМСТВОВАНИЕ НАШЕ НА ЗЕМЛЕ СВОЕЙ”

“...Я – западник, и потому – националист”, – знаменитая фраза Петра Струве – одного из отцов русского либерализма. Для теперешних наших записных либералов – “сапоги всмятку”. Просвещенный либерализм Струве немцовым и чубайсам чужд. “На самом деле вы глубоко равнодушны к отечеству, и вас безотчетно тянет в сторону врагов ее, – выводил на чистую воду октябристов и кадетов, откровенных западников, в “Письмах ближним” публицист Михаил Меньшиков. – Близорукая, слепая партия! Октябристы, может, не признают себя космополитами в настоящем, но это несомненно *фьютур-космополиты*. Мечтой они отдыхают все-таки на “Соединенных Штатах Европы”.

Русский националист Меньшиков предвосхитил каверзу западничества. В августе 1991 года “фьютур-космополиты” прорвались к власти и опрокинули тысячелетнюю русскую государственность. “Отрицание России и потеря ее царственной индивидуальности”, на поверку оказалось, и есть их “идеал”. И верховодит этой “исторической самоизменой”, как и было предсказано, “беспутная наша интеллигенция”. Петр Струве тоже опасался сплетения каиновых напастей, грозящих России лихом, – “*хапужества буржуазии и отщепенчества интеллигенции*”. Империя и российский капитализм в 17-м пали по их вине.

Спустя век “хапужество и отщепенчество” вновь постелили дорожку Чумазому. Тип “новорусского” буржуа возник из старой октябристской закваски. Конечно, тем, с чьей легкой руки “дикий” ветхозаветный капитализм к нам, в развитую страну, пожаловал, зорно сознались, что они лоббировали приход Чумазого. Вспомним-ка лучше: освободительный, гуманный и нравственный пафос “прорабов перестройки” и “властителей дум” бил через край. На фасаде Театра Ермоловой на Тверской красовался аншлаг спектакля “Говорите!”. Словно мы все были до того немые. “Вольные” экономисты из шестидесятников негодовали, что прибавочный продукт отбирает у трудящихся “класс номенклатуры”. Ни разу не проговорились: вот придет Чумазый и нас всех вызовет, а волшебное веретено рынка соткет золотую нить благосостояния для всех. Интеллигентская фронда “западоидов”, под сладкие напевы бардов и менестрелей, “нонконформистов” и эзопов подмостков Таганки весь запал перемен, накопившийся в обществе, обратила на святое дело капиталистической реставрации.

...Зиновьев, Максимов, Синявский – духовные авторитеты советского диссидентства, вольнодумцы, которые были в идеологической ссоре с Советской властью, восстали против вероломства “демократов”, пришествия Чумазого. И оказались отвергнуты, осмеяны своими, как выяснилось, липовыми единомышленниками. Образованщина переметнулась на сторону криминальной буржуазии чуть ли не опрометью, но старую свою “правозащитную” волюнку не забросила и поныне. Немалая выгода “прикинуться всецеловеком”, слепым и блаженным, прикрывая свое отступничество и приспособленчество “манифестами”, исполненными праведного антикоммунистического пафоса.

Образованщина в духовных сферах и олигархия в бизнес-элите сомкнули свои ряды в презрительном, немилостном отношении к русской государственности. И это окаянство вылезло теперь наружу в связи с новым “государственническим” дискурсом Кремля и его всё более натянутыми отношениями с Западом. Наметился фронтальный раскол в обществе, во всех его стратах, на тех, для кого дальнейшее “чужеземствование наше в земле своей” (Николай Гоголь. “Выбранные места из переписки с друзьями”) стало постыдным, и на тех, кто закоснел, прикипел всей душой к идеологии Менял. И согласен, втихомолку, на американский протекторат над Россией как завершение “цивилизационного” прожекта ельциноидов от августа 1991 года. Тогда, в первоначальном замешательстве “путча” у “непредсказуемого” Ельцина, говорят, просто духу не хватило перебежать на ту сторону улицы от Верховного Совета в американское посольство – эдакая насмешка истории. А теперь потенциальных перебежчиков – тьма-тьмушая. А что Чумазый как нарицательный тип “новорусского” буржуа? Куда он-то направит стопы? Туда, куда сердце, то бишь кошелек, подскажет.

Наш буржуа политикой всегда брезговал, а если и “вкладывался”, то ему все равно было, у кого выправить думский мандат, – у правых, или левых, или у “сына юриста”. Ему что “государственники”, что компрадоры, все ми-

лы. Зато идейные *фьютур-космополиты* в совершеннейшем смятении. Первые после виктории октября 1993 г. парадигма Кремля если не пошла вразнос, то наткнулась на колоду. Название ей, по Данилевскому: "...Та, общая, всепоглощающая без различия партий и интересов, ненависть к России, которую и делом, и словом обнаружила Европа. Большинство образованных людей считают себя проникательными, думая про себя, что Европа ополчилась на нас, чтобы наказать нашу нестерпимую *гордыню*. Небезынтересно было бы посмотреть на эту диковину!"

Сказанное ровно в строку с тем, какой толк идет сейчас о трениях Кремля с Западом. Американско-британская интрига демонизации российской власти в связи с дутым "делом Литвиненко" ненароком выявила явное неудовольствие наших буржуа "непонятками" и дерзостями Кремля против Запада. Либеральная фронда не скрывает своего злопыхательства и обвиняками высказывается за безоговорочное замирение с Западом. Это яркое проявление застарелого морального и умственного недуга, который Данилевский называл "болезнью западничества".

До какой крайности доходит антироссийская закоренелость Запада, свидетельствует и только что попавшее мне на глаза интервью Ричарда Пайпса итальянской газете "Коррьера делла сера". Заголовок: "Россия для Европы опасней бен Ладена". Оказывается, пока беспечные европейцы миנדальничают с Кремлем, для Европы российский вопрос может стать "опасней исламской угрозы... Россия стремится вновь стать супердержавой, оказывать давление (?) на европейскую, даже мировую, политику". И надо, дескать, вместе Россию приструнить. Есть и подходящий способ. Необходимо, чтобы западные нефтяные компании перестали заключать соглашения с Россией, а банки прекратили бы инвестировать, — призвал политолог.

Такого вздора давно не приходилось слышать. "Бритиш петролеум", "Шелл" стенают, что их выкурили из российской нефтянки и не подпускают к Штокману. А американский политолог грозит, напротив, что нефтяные ТНК повернутся к России спиной. Про отказ инвестировать в Россию — добрый совет банкирам вовсе ни в какие ворота. Ведь весь мир недоумевает, зачем Россия одолжила американской Федеральной резервной системе сотни миллиардов "свободных" долларов. Кто этот Пайпс, нагородивший в злопыхательстве и гневе столько нелепостей? Гарвардский профессор, бывший советник президента Рональда Рейгана и большой дока по части русской и советской истории. Читал его содержательную и весьма основательную монографию "Россия при старом режиме". У профессора на время помутился разум, коли он несет околесицу почище нашего Немцова? Запад грозит нам новой "холодной войной" и в отсутствие коммунизма. Ему не нужен идеологический повод, потому что, по Данилевскому, еще с времен Карла Великого норы Запада — в насаждении, насильственном навязывании нам, русским, и всему славянству своей веры, идей и интересов. Россия только и успевала отбиваться.

"... В XIV веке ... граница западного суперэтнуса продвинулась до Полоцка и Смоленска. А политическое господство — до Вязьмы и Курска, — читаем у Льва Гумилева. — Чрезвычайно слабое сопротивление Белой, Черной и Червонной Руси было бесспорно". Однако Русь, собравшись с силами и духом, отеснила западный суперэтнос. И на протяжении веков борьба велась с переменным успехом. Подспудное противостояние западной ереси и русского православного великодержавия творится и в родных пенатах. Ныне ЕС и Америка, сговорившись, опять глубоко вторгаются в пределы исторической России, а американская ПРО — острый наконечник копья. В нашем русском стане идет незримое размежевание тех, кто отстаивает историческое бытие и независимость России, и фальшивых "миротворцев"-западников. Чья возьмет?

“ЯЗЫЧЕСКИЙ ТИП” И “РАЗМОРОЗКА”

"... Есть разбойники, которые действуют топором, обухом. Лавочник Балакулин действовал спекуляцией... В своей лавке он являлся деспотом", — писал Ярослав Гашек в фельетоне "Об уфимском разбойнике, лавочнике Балакулине". Комендант города Бугульмы и будущий автор гениального "Швейка" напечатал его во фронтовой газете 5-й армии, теснившей Колчака на Вос-

ток. Балакулин – старый курилка Чумазый – нажился и на голодухе, и нехватках Гражданской войны. Когда вечером в лавке он считал кассу, “все эти марки, рублевки, керенки, которые он обирал с рабочего люда, и лицо у него в это время убийцы, идиота, не понимающего своего преступления”. Под острым гашековским пером “разбойник-лавочник” – гротескный образ классового врага, мелкого буржуа-мироеда.

Балакулин угодил, как кур в ошип, под суровую кару революционной советской законности тех лет. По теперешней же идеологической раскладке грехов и добродетелей никакой он вовсе не кровопийца, а “жертва”, угодившая под безжалостное “красное колесо”. И впрямь: “Какая тут спекуляция? Гражданская война, и если захочу, и пятьдесят два рубля за фунт (конопляного масла) заплачу. Наше дело – купеческое, маленькое. Ты нам деньги, мы тебе – товар”. По “понятиям” наших сегодняшних “либералов” – “ничего личного”, просто бизнес, спрос и предложение. . . В Высшей школе экономики на Мясницкой отставной “младореформатор” Е. Ясин именно так втолковывает “научную” премудрость чистогана под прозвищем “эффективности” балованым чадам новых русских. А презумпция невиновности уфимского разбойника восстановлена контрреволюцией 1993 года. Если уж Колчаку, уставившему весь Сибирский тракт виселицами, водрузили памятник, то “великомученик” Балакулин, пожалуй, заслужил мемориальной доски в Уфе.

К слову сказать, последыш белочехов Вацлав Гавел, посредственный драматург, “нонкомформист” и культовая фигура всей честной разноплеменной компании “правозащитников”, всегда просто на дух не выносил “красного” Гашека. Вообразите себе испанского интеллектуала, “отрицающего” Сервантеса! Но ничего не попишешь, классовым чувствам не прикажешь уgomониться. Даром что опусы экс-президента Гавела в литературе не стоят и одного монолога Швейка в пивной “У Калиха”, что на улице Боиште в Праге. Таким, как Гавел, буржуа-интеллектуалам классовый подход к явлениям действительно будто бы чужд. Как бы не так! Волки – красные, агнцы – белые. Под такую примитивную идеологическую колодку переписаны у нас в России школьные хрестоматии по истории.

Старшее советское поколение с Гашеком заодно: этот Балакулин, он же Чумазый – ирод и разбойник. А вот младому учительница в классе рассказывает, что персонаж этот – рачительный, законопослушный хозяин, у которого темные “пролетарии” отняли нажитое. Две правды, как звезды и орлы на башнях путинского Кремля и Исторического музея, ныне бытуют в России. Одна другую изживает и шельмует. Эта межеумочность, раздвоенность сознания пагубны для душевного здоровья любого общества. А масс-медиа режима только и делают, что поддают жару духовным уособицам поколений и сословий.

Поквитаться с прошлым – неумная политехнология. Морального капитала на этом не стяжаешь. А собственного Россия “новых русских” так и не нажила. Нравственный, человеческий, научный и технологический капитал советского великодержавия либеральная Россия распылить успела. А создано ли, взамен порушенному, новое, сносное, способное к саморазвитию общественное устройство? Искуплен ли грех, что капиталы нового правящего класса добыты на большой дороге?

Между тем власть внушила себе, что “прощеное воскресенье” уже миновало. И даже увещевания дать отступного ограбленному большинству, поставленному на грань физического выживания, – социализация природной ренты, нефтяного дивиденда в пользу его законного, по строке Основного закона, владельца – народа России, встречают злобный отпор. Тотчас в ответ – улюлюканье церберов-олигархов в Думе, масс-медиа и экспертной обслуги.

“... Уничтожить меня хочешь, сделать нищим? Разве мне ради вас обанкротиться, что ли?” – потрясал кулаками купец Балакулин. Гашек тонко подметил: “даже в роковой свой час этот малый будет терзаться: “. . . Может быть, я бы нажил на две тысячи рублей больше?” Вот и сегодня балакулины ни за что не дадут заковать себя в оковы социального государства, как в какой-нибудь чудаконной Швеции. У нас, в новой России, исконный балакулинский нрав и пошиб “предпринимательства” – не только не отживает, а всё матерет. Балакулины-рейдеры силком захватывают предприятия конкурентов. Балакулины-банкиры обманом и вероломством вовлекают заемщиков в ростовщические выплаты по кредитам, по миру пускают семьи. Балакулины-аграрии выманивают по дешевке земельные паи у крестьян, за бесценок скупа-

ют зерно нового урожая, чтобы перепродать втридорога. А Балакулины – арбитражные сутяги, за миллион наличными, накладывают арест на чужие акции по мошенническому иску неведомых кредиторов.

Балакулин-Чумазый если не в самые олигархи пробился, то все поприща экономики заполнил. У него, если на то пошло, совокупный блокирующий пакет. Не даст он ни за что свое “добро” на отречение России от ельцинизма, “протекциониста” криминального предпринимательства. И на “общество” ему плевать, равно как и на потуги правительства прибрататься в российском доме к приходу стратегических инвесторов из-за границы. Они уже, кажется, “согласные”, но все еще мешкают, опасаются.

Россия – последняя обитель “первобытного” буржуа. “Дикий” капитализм, где наемный труд дешев, а прав у него никаких, зато сверхприбыли – прорва. И в этом – великий соблазн. Глупо уповать, что Чумазый уймется, наложит на себя вериги социального государства. Между тем коррупционный налог, которым обложила бюрократия российский бизнес, а в конечном счете потребителя, растет как на дрожжах и составляет, по оценке Мирового банка, вкуче 280 млрд зеленых. Выходит, на каждый рубль зарплаты в стране приходится полтинник взятки? Кто, в ясном уме и трезвой памяти, всерьез поручится за безмятежную будущность такого экзотического, “пропащего” капитализма в одной, отдельно взятой стране?

Между тем насаждение силком новых архаических идеологических “артикулов”, выкорчевывание прежних “крамольностей” идет кругом, даже в высшей школе и армейской казарме. Вместо замполитов подумывают ввести в полках капелланов. Купцов – ранжировать на гильдии. Остепенившихся “братков” – на “авторитетных” предпринимателей, принятых в обществе, и простых мазуриков... Еще год-другой, и объявятся “Ваши Превосходительства”.

Свиток реставраций старорежимных устоев, атрибутов, табелей о рангах еще только разворачивается... “Опасной химерой” называл социолог Г. Лебон представление, что социальные перемены можно проводить посредством декретов и предписаний правительств. “Новые институты общества представляют собой продукт идей, чувств и нравов”. Их нельзя навязать, переделать посредством одного только “изменения кодексов”. “Учреждения и правительства – это продукт расы, и не они создают эпоху, а эпоха их создает... Нужны целые века для образования какого-нибудь политического режима, и точно так же нужны века для его изменения”.

А если Лебон прав? Тогда это большая досада для идеологов режима, затеявших построение “суверенной демократии” и вообразивших, что стены и стропила здания уже готовы, осталось только выстелить немецкой черепицей крышу и водрузить конек. Спору нет, с раздачей и перераспределением активов советской индустрии, промыслов и рент управились они быстро. И с “пережитками” советского социального государства покончено. В Белокаменной разница доходов на краях социальной лестницы уже достигла сорока крат! Ничего отдаленно даже похожего на социальную структуру современного западного общества в России не создано.

Томас Фридман, обозреватель “Нью-Йорк таймс”, злопыхательствует, что “золотой дождь нефтедолларов” дал волю российской власти “потворствовать своим наихудшим инстинктам”. И Россия, дескать, отклоняется в сторону попятную от ценностей благословенной западной демократии и “постиндустриального общества”. Британцы еще более рьяные обличители: “Полиция преследует торговцев краденым на улицах Лондона. А российским корпорациям, ограбившим конкурентов и обманувшим доверие акционеров, позволительно беспрепятственно брать кредиты на британском фондовом рынке”, – негодует некий Стивен Перлстайн. Вот какова его главная сентенция о российском капитализме “второго издания”: “В этой смеси коррупции и легитимности, государственного тоталитаризма и свободного рынка есть нечто такое, чисто русское, чему поражаются сами русские”.

Задумаемся, однако, все ли валить на Чумазого-Балакулина – “русского варвара”? А нет ли прорухи какой в самом западном, “постиндустриальном” капитализме, которую благочестиво прячут от чужих глаз? Не пора ли западной чопорной куме, а также обитателям нашей Рублевки и на себя оборотиться? Воображаемый черный пиратский флаг, который Стивену Перлстайну чудится развевающимся над Кремлем, на самом-то деле красуется над Белым домом и зданием Федеральной резервной системы в Нью-Йорке.

Разве Россия берет иракские нефтепромыслы на абордаж?!

Линдон Ларуш, проницательный и авторитетный философ и экономист, одно из первых имен в западном интеллектуальном истеблишменте, предостерегает, что производительный капитализм остался в прошлом, вытесненный и погубленный экономикой “всемирного казино”, в котором обращаются фиктивные, виртуальные ценности и капиталы и где зачисляются на баланс гигантских инвестиционных фондов мнимые прибыли. И накручивается немислимая капитализация разворованных на самом деле некогда преуспевающих корпораций, вроде “Энрона”, и раздуваются финансовые “пузыри”. Этот неумолимый разрыв здоровой физической экономики и виртуальной неустойчивой влечет к краху весь западный миропорядок. И грядущее потрясение как бы не затмило Великую депрессию 1929 года.

До последнего времени “непочтительные” взгляды на подноготную сороковской “алхимии” денег и “открытых” рынков, уязвимость и шаткость мировой корпорократии считались плохим, “алармистским” толком. Но времена и настроения меняются, и у Ларуша есть теперь единомышленники в Демократической партии США, в университетском сообществе и в кругах бизнеса. Все большее число ответственно мыслящих людей склоняются к тому, что единственный выход – закрыть “всемирное казино”, возвратиться к практике и этике производительного капитализма. Удалить менял с капитанского мостика корпорократии.

Оказалось, “хапужество” и плутни крупного бизнеса – вовсе не местная, российская особенность, предопределенная разовой прихватизацией двух третей основных фондов и сугубо местным колоритом (Чумазый), а лишь частный, крайний случай всемирного отступничества от продуктивной экономики. Генри Фонд с его гениальным девизом розничных продаж автомобилей во время экономической депрессии – на доллар дороже себестоимости – из области преданий. На всем Западе верховодит “глобальный” спекулятивный капитал, обороты которого в разы превосходят объемы продаж корпораций “старой экономики”, где обращаются реальные стоимости.

Это перерождение западного предпринимательства знаменует собой “разрыв новейшего экономического человека – соискателя максимальной прибыли – со всей продуктивной деятельностью в пользу спекулятивной – криминальной” (А. Панарин). Речь о забвении этики коллективного долга во имя философии личного преуспевания. А коли так, то и наш Чумазый – собирательный образ допотопного “московитского” хищничества – не такое уж диво и для западного мира, чтобы от него нос воротить воротилам, наживающимся на капитализации фиктивных активов!

“Языческий тип” новорусского буржуа – своего рода “мещанин во дворянстве”, которого третирует финансовая знать лондонского Сити, буржуа в десятом колене. А ведь еще вчера его здесь привечали, когда абрамовичи купали поместья и особняки, породив бум на рынке недвижимости... А при душе Ельцине, из которого дружки ситные из “семерки” веревки вили, отношение западного истеблишмента к криминальному российскому бизнесу даже на уровне олигархов (“Юкос”) было вполне снисходительным, отчасти даже умильтельным. Но вот при “позднем” Путине, что называется, кошка пробежала. И кличут ее – “суверенная демократия”.

Либерализм либерализмом, а табачок – врозь! Как принялся Кремль полегоньку выкуривать западных любителей дармовщинки из нефтегазовых сибирских и сахалинских кущей, Запад просто на дыбы встал. Куда покладистой он себя повел, когда после войны Судного дня 1973 года в Саудовской Аравии, даже в крошечном Кувейте разразилась национализация нефтяной промышленности.

В России до настоящей национализации дело и не дошло. Государство лишь только увеличивает свою долю в нефтянке и избавляется от старых грабительских соглашений по разделу продукции (СРП). Но и того хватило, чтобы мировая корпорократия ополчилась. В заголовках газет – “холодная война” Запада против российского бизнеса”. Уже заблокированы 80 млрд долларов капложений российских олигархов в экономику Запада. И одна маленькая деталь. Мало в какой из стран, где нефтяные концессии и собственность транснациональных компаний попали под национализацию, так влиятельна была “пятая колонна” в местном истеблишменте. И вовсе не было “в заводе” такого прискорбного феномена, как наша либеральная образованщина. Было

время, когда наши “фьютюр-космополиты” покровительствовали исподтишка Чумазому, его воцарению в ходе раздачи “ничейной” собственности СССР, а ныне они уже — бери выше — лоббисты западных ТНК, чистой балансовой стоимости промыслов.

“...Солнце огромных концессий закатилось”. Концессия американской компании “Арамко” — “самая ценная в мире” — в 1974 году перешла на 60% в собственность Королевства Саудовская Аравия. А еще через два года, после ожесточенного торга, саудовцы явочным порядком завладели всеми активами и правами “Арамко” в своей стране. “Арамко” довольствовалась лишь 21 центом с каждого добытого барреля в качестве подрячика на промыслах и привилегией продавца 80% саудовской нефти на внешних рынках. Шейх Ямани, министр нефти, заключил соглашение, по которому, в качестве отступного, американцам выплатили лишь чистую балансовую стоимость промыслов. Стало быть, западным компаниям не привыкать к жесткому подходу хозяев недр при национализации нефтяных комиссий. Почему же теперь, когда та же окказия постигла Запад и в России, выиграла старая колониальная спесь?

Первые со времен Петра I, верно подмечено, у наших западников нет алиби. Сколько бы они ни божились: “не корысти ради”...

...Выводы из памфлета о “Чумазом” и “фьютюр-космополитах” оставляю на волю читателя. Тем более что рано еще ставить все точки над “i”, повременим... Обозначим лишь узловые смысловые точки. Пятнадцати лет контрреволюционной парадигмы не хватило, чтобы создать прочную новую государственность. Национальный субъект модернизации на рыночных началах не сложился. Чумазый и его последыши на эту роль не годятся. По социологическим понятиям это — асоциальный тип. “Воссоединение с Западом” увенчалось грандиозной с ним сварой. Капиталы нуворишей и нечаянные, с неба упавшие неслыханные нефтедолларовые накопления казны изъяты, по большей части, из оборота национальной экономики. И размещены в не слишком надежных ценных бумагах геополитического противника. Гульба по курсавелям, скупка недвижимости за кордоном, роллс-ройсов и всякого антикварного хлама прожигает запаздывающие инвестиции в основной капитал. Еще лет десять — и будут утрачены советские заделы “экономики знаний”. Поздновато хватились в Кремле. Наполеоновские планы выбиться в мировые лидеры высоких технологий живо напоминают горбачевское, печально знаменитое “ускорение” и “подъем машиностроения”.

Элиты — бюрократия и денежная олигархия живут одним днем. НАТО насаждает, а внешняя политика России загнала себя в “либеральные” тенета. Ближайшие перспективы страны туманны и зыбки. Для компрадоров и “денежных мешков” жизнь на два дома, глядишь, сменится оседлой, в поместьях на чужбине, на проценты с нажитого капитала. Иным же, напротив, грезится Пятая империя на политическом горизонте, в самоотверженном и искупительном строительстве которой непостижимым образом воссоединятся раскаявшиеся расхитители нашего общего добра и обобранное до нитки большинство. Что на все это можно сказать?... Наверняка, не обольщаясь, так это только то, что капиталистическая реставрация от августа 1991 года не задалась. Все в “пролете” — и те, кто в “шоколаде”, и оставшиеся с пустой сумой. Стоим на распутье, промышляя, кто во что горазд, в преддверии... Олимпийских игр в Сочи.

...Авторству Ярослава Гашека принадлежит и сатирическая корреспонденция “Замороженные чиновники в советских учреждениях”, с примечанием “написано по-русски”. В совучреждениях освобожденной от белых Уфы, автор подмечает, полным-полно субъектов, тип которых позднее в годы нэпа Ильф и Петров вывели в образе бывшего предводителя дворянского собрания Ипполита Воробьянинова... “Красный свет бьет в окно, но в комнатах сидят люди с воспоминаниями о кадетской жизни, — описывает Гашек своеобразный дух новых советских казенных присутствий. — Эти безыдейные люди презирают Советскую власть, тем не менее служат ей. Они не приняли новую жизнь, они замороженные и растают только на своем солнце, которое, конечно, вне советского строя”.

Гашек и догадываться не мог, что ненароком, в репортерской заметке “с натуры”, предсказал явление в августе 1991 года второго, ложного солнца на российском небосклоне. Увы, это “астрономический” факт. Но, похоже, ложное это солнце начало закатываться за горизонт? Видимо, “разморозка” живьем исчерпавших себя никчемных “ископаемых” — укладов жизни, персонажей и “святцев” — Историей вряд ли предусмотрена.